

Мордовцев Даниил Лукич

Новые люди

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-311.8
ББК 84-4
Д18

Д18 **Даниил Лукич М.**
Новые люди / Мордовцев Даниил Лукич – М.: Книга по Требованию, 2023. – 309 с.

ISBN 978-5-519-97420-2

ISBN 978-5-519-97420-2

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

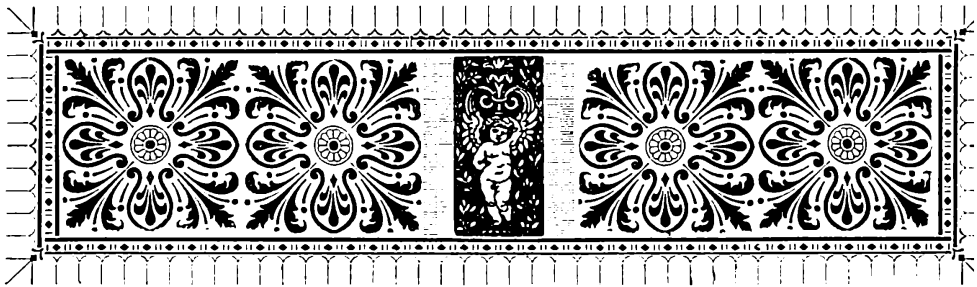
Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

СОДЕРЖАНІЕ.

	СТР.
Гномы съ комомъ золота	1
Не права-ли Европа?	9
Мертвецы и живые	20
Хорошая печень лучше хорошей косы	31
Немножко панславизма	35
Умъ мужской и умъ женскій	45
Немножко „московской“ политики	53
Въ университетъ захотѣла дѣвочка	59
Начало того, что было послѣ	65
Акула и ея адьюгантъ	72
Онъ боится полюбить	84
Бредъ больного	94
Капризы выздоравливающаго	102
Лакей о политикѣ	108
„Національный зудъ“	116
Кокетство-ли?	120
Любовь ли это?	126
Честность побѣдила	133
Кто-же онъ?	138
Я любимъ—и безконечно несчастливъ	149
Въ дорогу!	153
Тряпичный славянинъ	156

Для себя пишемъ	160
Ни забыть всего, ни вспомнить всего!	168
Неожиданная встрѣча	170
Женщины-піонеры	183
Нарвался!	200
Переломъ	216
Тихій омутъ	224
Въ студентской коммуны	237
Больной Григорьевъ	248
А окунь пичего не понимаетъ	256
Сомнѣнія Вѣры	268
Грустные проводы	278
Еще проводы	296





I.

Гномы съ комомъ золота.

Станный челоѡкъ этотъ докторъ: говорить, будто у меня нервы не въ порядкѣ. Все вздоръ. А просто, я слишкомъ много читалъ въ послѣднее время — усталъ, утомилъ мозгъ, ну и нервы, можетъ быть, стали воспримчивѣе.

Вотъ, напрымѣръ, сегодня я видѣлъ сонъ, такой странный, такой подавляющій...

Вижу я высокую, плоскую гору (послѣ я узналъ, что это какая-то гора невѣдѣнія), и подъ этой горой толпится кучка людей, старыхъ и молодыхъ, и узнаю я въ этихъ людяхъ дѣятелей слова, представителей русской мысли (сейчасъ видно, что я немножко зачитался). Узнаю я тутъ и Тургенева, и Иванова-Желудкова (все такъ смѣшалось, перепуталось въ этой кучкѣ), и Некрасова, и Достоевскаго, и Островскаго, и Писемскаго, и Толстыхъ, и Чаева, и Аверкіева, Стебницкаго и Трачевскаго, Михайлова-Шеллера и Куторгу, Щедрина и Сѣчѣнова, Якушкина и Нила Попова, Лохвицкаго и Успенскаго, Слѣпцова и Устрялова, Ливанова и Пирогова, Швейцера и Авенаріуса, Рыбникова и Розенгейма, Каратыгина и Клавдію Кованько, Шелгунова и Шелгунову, Вормса

и Лѣсницкаго, Рѣшетникова и Чуйко, Грестовскаго и Погодина, и Минаева, и Мельникова, и Алеко, и Полонскаго, и Авдѣева, и Боборыкина, Марка Вовчка и Иловайскаго, и Соловьева, и Костомарова, и Стасюлевича, и Богдановича, и Ламанскихъ, и Пыпина, и Спасовича, и Ковалевскихъ, и Срезневскаго, Грота, Бекетова, Страхова, Каткова, Леонтьева, Скарятина, Юматова, Урусова, Аксакова, Краевскаго, Корша, Зыкова, Тиблена, Гайдебурова, Курочкина, и многихъ другихъ дѣятелей русской земли, и самыхъ крупныхъ и средней величины... И представляются мнѣ всѣ эти люди въ видѣ гномовъ, что выкопали изъ-подъ земли огромный комъ золота самородка и, подобно муравьямъ, катятъ этотъ комъ на высокую гору, чтобъ раздѣлить золото между всѣми обитателями плоской горы, а комъ этотъ срывается съ полу-горы и увлекаетъ за собой бѣдныхъ гномовъ... И гномы опять начинаютъ катить этотъ золотой комъ въ гору, и опять обрываются, и никто изъ обитающихъ на горѣ невѣднѣя не хочетъ и не умѣетъ помочь гномамъ... На горѣ сонъ и храпъ. Иногда слышится стонъ и задавленный вздохъ, шопотъ молитвы, звяканье цѣпи, точно закованная лошадь звякнула желѣзными путами, то слышится погребальный перезвонъ и глухое стуканье земли объ гробовую крышку, то топанье подъ дикую бальную музыку, человѣческихъ ногъ, точно табунъ разнузданныхъ кавалерійскихъ лошадей несется на водопой, и заглушаетъ звяканье противной цѣпи на чьихъ-то ногахъ, на лошадиныхъ или человѣческихъ... А тамъ опять сонъ и храпъ, мужская и преимущественно женская болтовня о чемъ-то странномъ, нечеловѣческомъ, глубокой стонъ, пьяный смѣхъ и звякъ цѣпи, хриплѣнныя перерѣзаннаго горла и мотивы изъ Оффенбаха... А гномы все катятъ свой золотой комъ, все стараются докатить его до вершины, и опять срываются, и опять взбираются на крутизну... А на горѣ все

тотъ-же сонъ, тѣ-же дикіе звуки... Страшно звякнула цѣпь — и я проснулся...

Фу, какой томительный сонъ!

Докторъ прописалъ мнѣ лавровишневой воды. Станный онъ человѣкъ—все твердить о нервахъ. Если-бъ у мѣня, дѣйствительно были разстроены нервы, какъ у истерическихъ барынь, на меня, я думаю, все дѣйствовало бы такъ, какъ дѣйствуетъ на этихъ барынь. Такъ нѣтъ-же: мой глупый Матвѣй звякнулъ сегодня объ полъ цѣлою дюжиной тарелокъ—я и не вздрогнулъ да еще и смѣялся потомъ.

— Что ты, говорю, тамъ творишь, Матвѣй?

— Да бѣды, говоритъ, сударь, надѣлалъ: тарелки разбилъ.

— Такъ будь осторожнѣе, говорю.

— Я и то, говоритъ, остороженъ, да вѣрно и у меня нервы разстроены (у него-то! у Матвѣя нервы!).

— Что ты, говорю, глупость болтаешь?

— Не глупость, говоритъ: сегодня лекаръ, увидавши, что я книжку читаю...

— Какую?

— Гейне-съ... и говоритъ: ты смотри, Матвѣй, и у тебя нервы разстроятся отъ этой самой книжки какъ у твоего барина... Ну, видно и разстроились — разбилъ тарелки.

Смѣшно мнѣ стало и досадно. Этотъ глупый Матвѣй перетаскалъ къ себѣ въ лакейскую все мои книги—все засалилъ, а теперь и Гейне въ русскомъ переводѣ стащилъ. Да пусть ужъ лучіе читаетъ Гейне, чѣмъ пьянствуетъ. Я подозреваю, онъ ужъ успѣлъ сбѣгать въ кабакъ—вотъ и нервы разстроились.

А тяжелое впечатлѣніе сна все давить меня. Тоска смертная.. Я слышу эти противные звуки этой — какъ-бы ее назвать — протитуціонной музыки Оффенбаха одновременно съ звяканьемъ желѣза, я силюсь вмѣстѣ съ гномами вскатить на гору непо-

сильную тяжесть—а зачѣмъ, для кого? Я готовъ вѣрить въ логичность и осмысленность сновъ. Для кого работаютъ бѣдные гномы? Для Матвѣевъ, все для Матвѣевъ! Вѣдь кругомъ все Матвѣи, читающіе Гейне. За топаньемъ своихъ собственныхъ ногъ они не слышатъ какъ звякаетъ желѣзо у нихъ на ногахъ—они думаютъ, что это звякаютъ ожерелья, браслеты... Бросьте свою работу, гномы!. Нѣтъ, не бросайте. На горѣ вамъ не ужиться, пока не превратитесь въ Матвѣевъ или не почувствуете въ себѣ присутствія лошадиныхъ инстинктовъ.

Какъ я, однако, золъ сегодня. Это глупо, я самъ сознаю, да что-жъ дѣлать? Гвоздемъ впился въ мой мозгъ этотъ сонъ дьявольскій, а тамъ Тутневъ съ своими раздражающими афоризмами, а тамъ эта нищенка съ своимъ мертвымъ ребенкомъ.

— Подайте, говорить, баринъ, младенцу на гробикъ.

— На какой гробикъ? спрашиваю—досада меня взяла: тутъ и такъ скверно, а она пристаётъ съ гробикомъ—думаю: вретъ баба.

— Какой гробикъ?

— Младенецъ, говоритъ, у меня умеръ, такъ похоронить не въ чемъ.

— А мнѣ, говорю, какое дѣло?—всѣхъ я не могу хоронить—пошла прочь.

Такъ вотъ съ досады и сказалъ: золъ былъ какъ скотина, ну, и звякнулъ этимъ подлымъ глаголомъ.

— Черви, говоритъ, въ ушкѣ завелись.

— Какъ черви! (все думаю, что притворяется нищенка, какъ это обыкновенно бываетъ).

— Черви, говоритъ, батюшка, въ ушкѣ у покойничка-то, давно лежить, жарко.

Скверно мнѣ стало. Ужъ такъ-же, думаю, отвратительно и нагло нельзя лгать.

— Веди меня, говорю, къ твоему покойничку.

— Извольте, говорить, сударь, только скверно вамъ будетъ.

Повела она меня, а тутъ откуда ни возьмись Тутневъ съ своимъ безсердечнымъ сарказмомъ.

— Куда, говорить Тутневъ, летишь? ужъ не записался ли въ дамское благотворительное общество?

— А тебѣ что за дѣло?

— Я, говорить, пойду съ тобой, чтобъ тебя какъ дурака не надули.

Пошли мы всѣ трое. Онъ присталъ къ бабѣ. Баба опять заговорила о червяхъ. Я не выдержалъ.

— Да полно, я тебѣ говорю, мнѣ и безъ того скверно.

— А? ужъ и скверно... Нѣтъ, ты, говорить, не останавливайся на полдорогѣ: ужъ началъ думать, такъ думай до конца послѣдовательно и логически. Ты называешь мои афоризмы отвратительными — согласенъ. А сознайся, что въ жизни есть много такого, что отвратительнѣе моихъ афоризмовъ — хоть бы черви въ мертвомъ тѣлѣ ребенка, котораго похоронить не на что.

— Ну, и что-жъ изъ этого? говорю.

— А то, что не надо такой размазней относиться къ явленіямъ и къ возмутительнымъ шероховатостямъ жизни, какъ ты относишься. Надо бить подлость и глупость въ какомъ бы платьѣ онѣ ни щеголяли.

— Ну, и бей, говорю: что-жъ, бабу будешь бить?

— Нѣтъ, не бабу, говорить: ее и такъ судьба убила: а вонъ тѣхъ дикихъ людей, что лишены даже человѣческихъ инстинктовъ.

А говорилъ онъ это о кавалькадѣ изъ, такъ-называемаго, провинціальнаго «общества», которая направлялась за городъ и поровнялась съ нами.

— Здравствуйте, mesdames, закричалъ онъ двумъ амазонкамъ.

— Здравствуйте, м-г Тутневъ, отвѣчали ему.

— Вы куда, прекрасныя амазонки?

— За городъ погалопировать съ кавалерами да подышать свѣжимъ воздухомъ. А вы куда?

— Я иду съ пріятелемъ нюхать червивую мертвечину.

— Фуї, говорятъ, вы все съ своими злыми шутками... вы способны отравить всякое удовольствіе.

— А что вамъ, говоритъ, стоили ваши костюмы?

— Довольно дорого, говорятъ:—не правда-ли мило?

— Мило-то мило, барышни... Да оно будетъ еще милѣй, если вы изъ вашихъ излишковъ дадите вотъ этой женищинѣ, которой не на что похоронить ребенка,—а въ ребенкѣ ужъ завелись черви.

Барышни, конечно, ахнули, а за ними ахнули и ихъ припѣвающіе...

— Что вы говорите!

— Да вотъ спросите эту бабу.

Ну, и Тутневъ съ своей безцеремонностью все-таки собралъ для бабы нѣсколько цѣлковыхъ, а тамъ накинудся и на меня.

— Ну, и неправъ я, говоритъ, что надо бить эту сволочь? А вы все съ своей деликатностью: «надо входить въ положеніе другихъ». Ну, какъ вы войдете въ положеніе кретина, который самъ не сознаетъ своего физическаго безобразія и умственнаго нищенства? Вѣдь всѣ эти галопирующіе кретины поѣхали за городъ вполнѣ довольные и меня же злословятъ за мои странности. А сознавай они хоть немножко свое человѣческое призваніе, пойми—не говорю пустоту, а гнусность той жизни, какую ведетъ девяносто-девять сотыхъ нашего милаго російскаго общества, дѣйствуй они какъ кто можетъ, и не хвастайся своимъ мнимымъ развитіемъ, дающимъ картъ-бланшъ ни-

чего не дѣлать—тогда было бы не то, что мы вокругъ себя видимъ.

И люблю и не люблю я этого человѣка, Тутнева: люблю и уважаю въ немъ безукоризненно честнаго и по натурѣ добраго брюзгу; но не люблю этого жолчнаго языка, который какъ-то раздражительно электризуетъ меня. Я и безъ того былъ скверно настроенъ, а онъ еще больше подстроилъ меня. А тутъ этотъ мертвый ребенокъ... баба не обманула: мы нашли ея грязную конурку запертою; на дворѣ играютъ два мальчика въ лошадки—это ея дѣти, оставшіяся въ живыхъ. Едва мы вошли на дворъ, какъ они закричали: «мама! ѣсть! мама, хлѣба!» А въ избѣ на столикѣ лежитъ мертвый ребенокъ, покрытый тряпками—трупъ разлагается. Дѣйствительно, въ ухѣ ребенка, въ болячкахъ, что-то копошится... Я хотѣлъ было бѣжать...

— О нѣтъ, говорить, Тутневъ, — стой! взглядишь въ это, вдумайся!

— Пусти меня, говорю, мнѣ дурно...

— А! дурно... Такъ примѣни-же и здѣсь твое правило: надо входить въ положеніе другихъ.

— Не могу! не могу!

А тутъ баба плачетъ, надрывается.

— Ты что, говорить Тутневъ плачешь?

— Жаль, говорить.

— Да чего жалѣть? Вѣдь кормить было нечѣмъ.

— А все жаль.

И плачетъ бѣдная баба, надрывается. И вижу я, что глупая баба плачетъ сама не зная о чемъ, а все-таки къ моему дурному расположенію прибавили новую тяжесть.

Чѣмъ-же я размазня, однако? Развѣ тѣмъ, что не ругаюсь какъ Тутневъ?

Скучно. Вѣдь пожалуй Тутневъ правъ. Этотъ сонъ, эти

гномы, это звяканье цѣпи не выходятъ у меня изъ головы. Впрочемъ, не потому-ли я слышалъ во снѣ это противное звяканье цѣпи, что Матвѣй чистилъ ножи и вилки? Какъ это глупо, и какимъ, однако, подавляющимъ чувствомъ полно все существо мое.

Я радъ, впрочемъ, что Старинъ не заходилъ ко мнѣ сегодня надоѣдать съ своею барышней. Вотъ навязались!

